

А.В. ДАХИН*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА В РОССИИ: НА ПУТИ К УСТОЙЧИВОЙ НАУЧНОЙ ПОЛНОТЕ

Аннотация. В статье анализируется процесс становления политической регионалистики в современной России. Автор кратко характеризует как глобальный научный контекст региональных исследований, так и актуальные аналитические модели федерализма и регионализма, выделяя новые концептуальные подходы. Основное внимание фокусируется на особенностях развития политической регионалистики в России с 1990-х годов по настоящее время. Отмечаются достижения российской политической регионалистики, а также намечаются основные перспективы ее развития.

Ключевые слова: политическая регионалистика; федерализм; региональный политический режим; региональная политическая конкуренция; внутривнутриполитическая регионалистика; международная политическая регионалистика.

---

* **Дахин Андрей Васильевич**, доктор философских наук, профессор, начальник управления научных исследований и проектов, заведующий кафедрой философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель исследовательского комитета «Политическая регионалистика» Российской ассоциации политической науки (РАПН), e-mail: nn9222@yandex.com

Dakhin Andrey, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Presidential Academy of National Economics and Public Administration (Nizhny Novgorod, Russia), Russia Political Sciences Association (Moscow, Russia), e-mail: nn9222@yandex.com

A.V. Dakhin
Regional political studies in Russia:
Towards sustainability and completeness

Abstract. The article represents observations of formation and development of the regional political studies as a separate branch of Russia political science. The author shortly describes international scientific context, issues of contemporary patterns of federalism and regionalism. The main focus is on features of development of Russia regional political studies since 1990 years to present days. In conclusion are noted main attainments of regional political studies in Russia, and also some most important dimensions for future progress are marked.

Keywords: regional political studies; federalism; regional political process; regional political regime; regional political competition; domestic regional political studies; international regional political studies.

Российская политическая регионалистика прошла значительный путь от состояния, когда специалисты различных отраслей советской гуманитарной науки отвечали на эмпирические и ситуативные запросы новой российской власти, до состояния, когда можно говорить об устойчивых признаках ее институционализации в качестве самостоятельной области научного знания. Мы наблюдаем поиски новой парадигмы политического знания, осуществляемые различными научными школами. Первоначальное накопление конкретных фактов начала 1990-х годов постепенно переходит к подбору «ключей» их концептуализации. Российская политическая регионалистика вплотную соприкасается с глобальной регионализацией политической науки, где принято выделять флагманские школы немецкой, американской, французской и т.д. политической науки. Научные школы разных стран стремятся сформулировать собственные оригинальные подходы к изучению России. Вопрос о вкладе отечественной политической науки о России в фонд мировой русистики постепенно стал предметом научной дискуссии. «Можно ли понять происходящие процессы в России, если исходить из мировой практики уже существующей демократии? И можно ли узнать что-то новое о демократии, если рассматривать ее с точки зрения развития современной России? Сегодня эти два вопроса для нас наиболее актуальны», – отмечают авторы знаковой коллективной монографии «Демократия в российском зеркале» [Демократия в российском зеркале, 2013]. Ре-

гионализация мировой политической науки создает новый объект политической регионалистики, который, с одной стороны, является предметом концептуальной рефлексии, с другой – в его границах происходит поиск новой отечественной научной парадигмы.

Международный научный контекст

Международные научные исследования достаточно давно включают в себя изучение региональных ниш, которые занимают отдельные страны. Региональные исследования в этом случае представляют собой изучение политических систем и процессов отдельных стран, выявление «генетических» особенностей их политических организмов и смыслов политической активности акторов. Достаточно сказать, что базовой единицей в структуре Международной ассоциации политической науки (IPSA) являются национальные ассоциации. С другой стороны, университетская политическая наука о регионах-странах организована на базе специализированных исследовательских центров, изучающих отдельные политии. Особенно интересны публикации по Китаю [Chang, Jian, Chih-Hsien, 1998; Yongnian, Wu, 2005], Южной Кореи [Baeg Im, 2004; Lloyd, 2010 и др.], Индии [Lloyd, Rudolph, 2010 и др.], по государствам Африки [Posner, Simon, 2002 и др.] и т.д. Кроме того, объектом мировой политической регионалистики являются также и группы стран (надстрановые регионы), которые воспринимаются как «генетически» сходные в своем политическом устройстве. В последние годы расширяются исследования таких надстрановых регионов, как Азиатско-Тихоокеанский регион (см., например, специальный выпуск *International Political Science Review*, Vol. 32(5), 2011, который полностью посвящен теме качества демократии в Азиатско-Тихоокеанском регионе) [Morlino, Dressel, Pelizzo, 2011; Stockton, 2001], арабский мир [Murphy, 2009], Европа Восточная, Западная, Центральная, объединенная (ЕС) [Cipriani-Cain, 2004; Roberts, 2008 и др.], Латинская Америка [Mainwaring, Brinks, Perez-Liman, 2001; Inglehart, 1997 и др.], Африка [Lindberg, 2006 и др.], Австралия [Johnson, 2007 и др.], постсоветский регион [Bunce, Sharon, Wolchik, 2008 и др.] и др. В этом поле Россия рассматривается и как самостоятельный политический регион [Rosefielde, 2005; *Contemporary Russian Politics*, 2001; Javeline, Baird.

2011 и др.], и как часть постсоветского надстранового региона и СНГ [Slomczynski, Shahad, Zielinski, 2008; Beichelt, 2004; др.].

В рамках политической регионалистики развивается область сравнительных исследований, которые выявляют общие и отличительные черты различных территориально-политических акторов, создают базы данных для мониторинга их состояния [Varieties of democracy...; Мельвиль, 2007 и др.]. Вместе с тем происходит концептуализация представлений об архитектуре регионального политического пространства и предлагается линейка парадигм, в том числе «централизация – локальность» в ее связи с принципами демократии [Page, 1991 и др.], федерализм [Umbach, 2001; German, 2001 и др.], а также концепты многоуровневой системы [см.: Crozier, 2013; Kay, 2013], децентрализации [Amanor, Brown, 2003] и полицентричности [Aligica, Tarko, 2012; Ethier, 1998].

Использование в концептуальном глоссарии, описывающем пространственно распределенные политические системы, таких понятий, как «федерализм», «децентрализация», «сетевое государство», «многоуровневый» (*multi-level*), «полицентричный» (*polycentric*), «скрученный / спиралевидный» (*flemish*), позволяет говорить о широком теоретико-методологическом потенциале международной политической регионалистики, в развитии которой активное участие принимают отечественные ученые.

Так, в частности, российские ученые разрабатывают понятия «транснациональное пространство» и «международный регион» [Транснациональные политические пространства... 2011; Прохоренко, 2012], «межцивилизационное пространство» [Хатунчиев, 2011], «(без)-опасное пространство» [Замятин, 2013], «потерянные а пространстве» [Иноземцев, 2014], «неконтролируемые территории» [Себенцов, Колосов, 2012], которые существенно расширяют диалектику «биполярности» и «многополюсности» [Симония, Торкунов, 2015], а также отечественные исследователи рассматривают вопросы нового концептуального определения статуса границы между политическими регионами разного типа [Силантьева, 2014; Пушкарёва, 2012]. Всё это позволяет заключить, что глобальная политическая регионалистика постепенно концептуализирует современные представления о региональной стратификации современного политического пространства, о его динамической подвижности и многоликости, а также о его взаимосвязи с суверенными территориально оформленными политическими акторами.

Отечественные специалисты также участвуют в составлении глобальной международной панорамы, представляя кейсы региональной политики на страницах иностранных научных журналов (В. Гельман [Gel'man, 2015 и др.], Г. Голосов [Golosov, 2006; Golosov, Shevchenko, 2005 и др.], А. Сергунин [Sergunin, Konyshev, 2014; Joenniemi, Sergunin, 2014 и др.], А. Макарычев [Makarychev, 2002 и др.], Р. Туровский [Turovsky, 2005; Turovsky, 2007 и др.], А. Дахин [Dakhin, 2008 и др.], А. Дука [Duka, Rutland, 2004; Duka, 2003 и др.] и др.).

Становление отечественной политической регионалистики

В 1990-е годы российская регионалистика формировалась как *внутриполитическая* регионалистика, погруженная в систематизацию и обобщение политических процессов в регионах России. Одновременно происходила модернизация советской теории международных отношений и мировой политической истории, в ходе которой подверглись обновлению представления о территориально-пространственных политических акторах в сфере международных отношений, геополитики, политической географии, сравнительном страноведении.

Так как современная политика протекает в режиме «intermestic»¹, т.е. активной взаимосвязи внешней (international) и внутренней (domestic) политической активности, а субнациональные регионы являются участниками глобальных международных процессов [Туровский, 2011; Дагбаев, 2015], то политическая регионалистика на субнациональном уровне смыкается с регионалистикой наднациональных, глобальных форматов, включая в единое

---

¹ Термин «intermestic» (интерместный) был введен в обращение американским политологом Б. Маннингом (B. Manning) для описания таких политик, которые неизменно зажаты между внутренней и международной (или по крайней мере двухсторонней) политикой. Торговля часто описывается как наиболее характерный случай интерместной политики, в которую вовлечены другие нации, и ее воздействие на внутреннюю политику глубоко укоренено в истории внутренней политики Америки. Р. Патнем и его коллеги называли сходное явление «игрой с двумя уровнями» (two-level games) в дипломатии, когда «дипломатические стратегии и тактика ограничены одновременно тем, что примут другие государства, и тем, что ратифицируют внутренне избирательные округа».

поле региональной стратификации регионы разной величины, от мирового города (Сингапур) до многосложного Европейского союза. Поэтому со второй половины 1990-х годов в российской внутривнутриполитической регионалистике стали появляться исследования, посвященные международным аспектам политической активности российских регионов [Makarychev, 2001].

Хотя эмпирические базы внутривнутриполитической и международной регионалистики заметно различаются, в первом случае – это субнациональные регионы страны, а во втором – суверенные акторы-страны, оба направления стимулируют развитие общей концептуальной основы, отвечающей на вопросы о природе политического пространства, его региональной стратификации, о границах суверенитета территориально-пространственных политических акторов.

В конце 1990-х годов политическая регионалистика как предметная область политологии представляла собой нечто аморфно-неопределенное, она далеко не всегда упоминалась в работах, посвященных структуре политической науки. Так, например, А.А. Дегтярёв в своей статье [Дегтярёв, 2000] выделяет 16 политологических субдисциплин, но регионалистики среди них нет. Автор показывает, что первоначально в структуре западной политической науки (1948) выделялись следующие компоненты:

- политическая теория (теория политики и история политических идей);
- публичные (государственные) институты (центральные, региональные, местные; законодательные, исполнительные и судебные), их структура и функционирование;
- политическое участие и давление граждан (партии, групповые объединения, общественное мнение);
- международные отношения (международные организации и мировая политика) [Дегтярев, 2000, с. 100–101].

Как видим, в этой структуре предметная область современной регионалистики «упакована» в теорию публичных / политических институтов и теорию международных отношений. Современный перечень исследовательских комитетов IPSA также не содержит политической регионалистики. Вместе с тем ее проблематика рассматривается рядом исследовательских комитетов, таких как «Сравнительные исследования местных властей и политик» (RC-05), «Политики и этничность» (RC-14), «Политическая и

культурная география» (RC-15), «Сравнительный федерализм и теория федерализма» (RC-28), «Отношения локальное – глобальное» (RC-47), «Административная культура» (RC-48).

Существование политической регионалистики как отдельной предметной области стояло под вопросом, данная ситуация требовала точной идентификации знаний, относимых к ведению политической регионалистики. В предыдущих публикациях уже приходилось определять этот комплекс знаний следующим образом: *к политической регионалистике относятся знания, отражающие аспекты строения и функционирования политического региона*. Ключевое понятие здесь – «политический регион», оно указывает на территориально выделенную область политического пространства, граница которого сопрягает внутреннее и внешнее поля его активности, а сам регион является субъектом политической деятельности и может претендовать на больший или меньший суверенитет.

Политический регион в таком понимании представляет собой таксономический тип политического пространства, который принципиально отличается от другого таксономического типа – «политического института». Иначе говоря, мы исходим из того, что политическое пространство делится на два измерения. Первое, *институциональное измерение* проявляется в том, что политическое пространство разбивается на различного рода политические институты (институты исполнительной власти, институты законодательной власти, партии, общественно-политические организации волонтеров, мозговые тресты и пр. организации), внутри которых и между которыми протекают политические процессы. Второе, *региональное измерение* проявляется в том, что политическое пространство разбивается на различного рода политические регионы (город, область, страна, союз стран и т.п. территориально определенные политические организмы).

При таком подходе предполагается, что политические институты и политические регионы взаимосвязаны, они сосуществуют в одном социальном пространстве / времени. Так, политические институты «привязаны» к тому или иному политическому региону, а в политических регионах функционируют различные политические институты.

Политическая регионалистика делает акцент на территориальной стратификации политического пространства, рассматривает его как базовую основу политики, в отношении которой институ-

циональная стратификация вторична. Соответственно, «анатомия» региона – это, в числе прочего, совокупность политических институтов, образующих его внутреннее политическое пространство и пространство его внешних отношений. Например, анализируя глобальные процессы, политическая регионалистика непременно фиксирует наличие тех или иных границ в общем пространстве глобальных взаимодействий и обращает внимание на состояние суверенитета отдельных территориально обособленных акторов (политических регионов). В отличие от этого в институциональном измерении, где взаимодействуют между собой институты образования, промышленного производства, торговли, науки, законодательной или исполнительной власти, тема границ и «государственных суверенитетов» либо вторична, либо вообще незаметна.

В политической регионалистике как отдельной субдисциплине развиваются две специфические теоретико-методологические области. Во-первых, это теория *региональной стратификации* политического пространства¹, т.е. теоретическое описание многообразия политических регионов, систематизация страт, выявление распределения регионов по стратам, анализ перемещения регионов в системе страт [напр.: Белозёров, Тикунов, Панин, 2008]. В результате может быть получена типология политических регионов, их страт и кластеров, динамическая модель их соотношения в действующем политическом пространстве.

Во-вторых, это целостное описание отдельных политических регионов, включая их историческую динамику. В результате могут быть созданы атласы² по регионам. Обычно такого рода атласы разрабатываются только для одного вида политического региона – для страны. Постепенно этот подход распространяется на сравнительные исследования иных видов политических регионов [см., напр.: Симонян, Кочегарова, 2014]. Так, в СССР существовал такой вид политического региона, как «союзная республика», в стране было 15 политических регионов. В настоящее время в России изучаются такие виды регионов, как «субъект федерации»

---

¹Термин «региональная стратификация» был предложен в статьях: [Дахин, 1997; Дахин, 2003].

²Например: Белозёров В.С., Тикунов В.С., Панин А.Н. Атласная информационная система для изучения этнодемографических процессов в Ставропольском крае // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. – М., 2008. – № 1. – С. 39–44.

(85 политических регионов) [Фарукшин, 2005; Региональные политические процессы, 2013 и др.] и «федеральный округ» (девять политических регионов) [Федеральная реформа... 2003 и др.]. Основания для стратификации политических регионов могут быть как административные, так и экономические [Cooke, Christiansen, Schienstock, 1997 и др.], этнонациональные [Колосов, Себенцов, 2014 и др.], социокультурные [Дахин, 2000 и др.], политические [Орешкин, 2001]¹.

Перераспределение политической активности между «страной / государством» и субнациональными и наднациональными политическими регионами (ситуация «глобально-регионального беспорядка» [Peck, Tickell, 1994]) открывает для политической регионалистики новые исследовательские перспективы, интерес к которым будет только возрастать. Современный мир невозможно понять только в лекалах национальных государств. Страна / государство утрачивает свое монопольное значение, современный мир становится *мультирегиональным*. Это одна из реальностей, на фоне которой происходит становление политической регионалистики.

Основные этапы становления внутривнутриполитической регионалистики в России. При подготовке главы мы использовали материалы о более ранних этапах эволюции внутривнутриполитической регионалистики в России, что позволяет проследить актуальные тенденции ее развития за последние 10 лет [Авдонин, Баранов, Дахин, 2008]. Предложенная схема становления внутривнутриполитической регионалистика привязана к реальному политическому процессу, в котором, как представляется, есть своя доминанта, меняющая систему отношений «центр – регионы» и, соответственно, предопределяющая возможности политической регионалистики.

1. *Этап институционального становления независимой России (первая половина 1990-х годов).* В этот период политические институты РСФСР как союзного государства преобразовывались в политические институты России как независимого государства.

Формирование политической регионалистики в России было связано, с одной стороны, с модернизацией советской гуманитарной и политической наук, а с другой – с процессом политического реформирования, который пришел в российские регионы сначала в

---

¹ Отметим также характерный термин «красный пояс» России, см.: [Туровский, 1999].

виде проекций федеральной политики, а затем в форме становления самостоятельной политической жизни. В открывшиеся «окна развития» устремились специалисты из различных областей науки и практики: представители философских, социологических, исторических, физико-математических, географических, юридических наук приносили в новую область исследований свой научный инструментарий, навыки и опыт, что делало политическую регионалистику этого этапа чрезвычайно разнородной и эклектичной¹. Собственно научный компонент был в этом потоке сравнительно невелик.

Важный фактор, стимулировавший развитие политической регионалистики в этот период, был связан с характером российских реформ, которые осуществлялись в форме «революции сверху» и протекали в условиях повышенной неопределенности, ослабления центральной власти, роста нестабильности и сепаратистских настроений в регионах. В федеральных структурах появились специалисты по региональной политике, которые стали затем важным ферментом для дальнейшего развития этой научной отрасли².

Открытие доступа к западной политической науке также было стимулирующим началом. Интерес к коммуникации с зарубежными коллегами был обоюдным. Западная политическая наука также переживала смену парадигм в области российских исследований, переходя от традиционной советологии к изучению российской политики на совершенно новом материале в условиях открытости и снятия идеологических барьеров. Это взаимодействие также сыграло важную роль в развитии российской регионалистики³. В целом становление политической регионалистики на первом

---

¹ На это, в частности, обращали внимание В. Гельман и С. Рыженков в своем обзоре о развитии отечественной политической регионалистики: [Политическая регионалистика... 1998]. В этой работе второй половины 1990-х годов они полагали, что эта область познавательной активности к этому времени еще не приобрела статуса отрасли научного знания.

² Прежде всего, здесь можно отметить деятельность групп, сложившихся вокруг Л. Смирнягина и В. Тишкова, располагавших ресурсами поддержки исполнительной власти, что позволило им активизировать и научно-аналитическую работу.

³ В этом плане можно отметить активную деятельность Московского центра Карнеги, Института «Восток – Запад», а также ряда западных общественно-политических и научных фондов (Фонда «Фольксваген», Фонда Ф. Наумана, Фонда Ф. Эберта, Фонда Форда и других).

этапе выглядело достаточно противоречивым. С одной стороны, она формировалась в условиях повышенного общественного интереса, политического запроса, в обстановке новых возможностей. С другой – она подвергалась повышенному давлению ненаучной познавательной активности, переживала внутреннюю разнородность и эклектичность.

Тем не менее уже на этом этапе были сделаны первые шаги к институционализации политической регионалистики как научного направления. Прежде всего, они были связаны с деятельностью специалистов географического профиля, занимавшихся в советский период изучением политической географии зарубежных стран. По сравнению с другими специалистами, исследовавшими региональную проблематику в советский период, они обладали важным преимуществом – знакомством с политико-географическими исследованиями в зарубежной науке. Этот опыт, базирующийся на развитой эмпирической базе и теоретических обобщениях, оказался востребован федеральной властью. Он же облегчал взаимодействие с западными коллегами. Эти обстоятельства усиливали позиции политико-географического подхода, что позволило ему стать лидером на этом этапе становления отечественной политической регионалистики¹.

В какой-то мере это лидерство предопределило особое развитие политической регионалистики в отличие от других отраслей отечественной политической науки. Регионалистика формировалась как преимущественно эмпирическое направление, постепенно выстраивающее свой теоретико-методологический каркас, который и сегодня находится в процессе становления.

За пределами московского научного сообщества также наметились определенные центры активности, чаще всего возникавшие на базе академий госслужбы и институтов повышения квалификации (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону) [Сунгуров, Распопов, Беляев, 2012]. Значимым событием на этом этапе стало создание НИИ регионологии при Мордовском госуниверситете (А.И. Сухарев, г. Саранск), НИИ Регионоведения на Северо-Западе России (А.П. Клемешев, В.С. Бильчак, г. Кали-

---

¹ Среди авторов этого направления следует назвать В.А. Колосова, Л.В. Смирнягина, Н.В. Петрова, О.Б. Глезер и др. См., в частности: [Колосов, 1988; Глезер, 1991; Каганский, 1993; Лившиц, Новиков, Смирнягин, 1994 и др.]

нинград). В Саранске была разработана одна из первых программ по регионоведению (1993–1994), опубликованы научные работы, а затем стал выпускаться журнал «Регионоведение» [Бильчак, Самсон, Федоров, 1999 и др.]. Журналы по междисциплинарной региональной тематике появились также в Новосибирске («Регион: экономика и социология»), Пензе («Земство»), Санкт-Петербурге («Региональная политика»).

2. *Этап региональной политической диверсификации российской политики (вторая половина 1990-х годов)*. В этот период стабилизация нового правящего класса требовала хотя бы временной институционализации, гибкого закрепления вопросов разграничения полномочий федерального центра и регионов, в котором федеральная власть шла на уступки субъектам федерации.

В это время происходит заметная интенсификация развития политической регионалистики, большую роль в которой сыграл «большой» избирательный цикл российской политики 1995–1997 гг. Он включал, прежде всего, сложные и труднопредсказуемые парламентские (декабрь 1995 г.) и президентские (июнь-июль 1996 г.) выборы. Также в этот цикл входили «большая» серия губернаторских выборов почти в 60 регионах (многие из них проводились впервые) и выборы в законодательные собрания многих субъектов Федерации.

Этот избирательный цикл значительно обострил внимание к региональной политической проблематике. В стране активизировалась работа аналитических экспертных центров, осуществляющих мониторинги региональных политических событий¹. Существенно возрос интерес зарубежных политологов к российской

---

¹ Наиболее активны были в этом плане Московский центр Карнеги (Н.В. Петров, А.С. Титков); Институт гуманитарно-политических исследований (О. Сенатова, В. Гельман и др.); группа «Меркатор» при Институте географии РАН (Д. Орешкин и др.); группа по анализу политической ситуации в регионах при Администрации Президента РФ («группа Л.В. Смирнягина»). Наличием существенного регионального компонента отличалась и работа Центра политических технологий (Р.Ф. Туровский, А.В. Макаркин и др.), Экспертного института (М. Малютин, О. Григорьев и др.), Аналитической группы «Панорама» (В. Прибыловский) и др. За пределами Москвы региональные исследования активизировались в Нижнем Новгороде (Нижегородский центр социально-экономической экспертизы), Сыктывкаре, Пензе, Саратове, Татарстане, Новосибирске, Екатеринбурге и др.

регионалистике. Усилился приток ресурсов в эту исследовательскую сферу, заметно расширилась практика проведения исследовательских проектов¹. Этот избирательный цикл предоставил огромный эмпирический материал, относящийся как к избирательным кампаниям, так и к региональным политическим процессам в целом, что требовало теоретической рефлексии, концептуальных и методологических разработок.

Кроме того, итоги выборов, в силу их неопределенности и неоднозначности, привели к ослаблению центральной власти и стимулировали дальнейшую децентрализацию и регионализацию политики в России. Многообразие региональных политических условий, формирование специфических моделей функционирования региональной власти и особенности ее взаимоотношений с центром, конфигурации региональных политических акторов становились новыми объектами исследований. Все это также требовало разработки теории и методологии изучения региональных процессов.

Усилившаяся в этот период децентрализация политики, как и сохранявшаяся с начала 1990-х годов децентрализация гуманитарных наук, породили специфический феномен – исключительную специализацию региональных экспертов на «своих» регионах. Это порождало тенденцию к гиперэмпиризму, утрате эффективных концептуальных рамок анализа и проявлению местных научных традиций, редко выходящих за пределы своего субъекта РФ и подчас заново «открывающих Америку». Особенности становления регионалистике, связанные с сепаратистскими тенденциями, отмечались и в ряде республик РФ (Татарстан, Башкирия, Дагестан и проч.) [Савва, 2001].

Но одновременно стали развиваться проекты, нацеленные на восстановление научной коммуникации между столицей и регио-

---

¹ Среди многочисленных проектов этого периода можно выделить многолетний масштабный проект «Регионального политического мониторинга» в ИГПИ, осуществлявшегося с 1993 по 1999 гг., Проект «Сеть этнологического мониторинга» Института этнологии и антропологии РАН (под руководством В.А. Тишкова), проект «Политический альманах России» Московского центра Карнеги, содержащий приложения «Регионы России», масштабный проект эмпирического изучения российских регионов Центра славяно-евразийских исследований ун-та Хоккайдо «Регионы России: хроника и руководители» под руководством К. Мацузато и др.

нами, а также кроссрегиональные исследования, в которых анализировалась региональная политическая информация¹.

К концу 1990-х годов политическая регионалистика стала уже достаточно самостоятельным структурным элементом политической науки и приобрела черты полноценной институции внутри отечественной политологии, инкорпорировав «региональное знание» в научный объект исследования.

Существенное расширение исследовательской деятельности, развитие коммуникации в научном сообществе имели зримое воплощение в целом ряде форумов и конференций, в интенсификации издательских инициатив² (Конгрессы по политической регионалогии в Нижнем Новгороде в 1997 и в 1999 гг., конференции в Москве и в ряде других регионов, издательские проекты в МОНФе и др.). На встречах российских исследователей часто присутствовали и их зарубежные коллеги, возникали международные исследовательские проекты, заметно интенсифицировался обмен информацией и освоение западного опыта³. На форумах и в публикациях все чаще обсуждаются вопросы теории и методологии региональных исследований. Важным аспектом интенсификации развития политической регионалистики явилось введение в Госстандарт вузовских специальностей «Регионоведения», поли-

---

¹ В числе этих проектов, помимо упомянутых выше, следует отметить проект «Россия регионов: трансформация политических режимов», осуществлявшийся исследователями ИГПИ и Европейского ун-та в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда «Фольксваген», проект *Studia politica* по созданию учебных материалов для курса «Политическая регионалистика», осуществлявшийся в 1998–2001 гг. (вышло пять выпусков). Наибольшее развитие в этот период получил и проект К. Мацузато «Регионы России: хроника и руководители». По его итогам в 1997–2000 гг. было опубликовано семь томов материалов, посвященных различным регионам России.

² Прежде всего, здесь следует назвать издательские проекты МОНФа, в рамках которых публиковалось много работ по политической регионалистике. Например: [Власть и общество... 1999 и др.]. Часть этих проектов составляли публикации по проблемам развития местного самоуправления в регионах. Например: [Перспективы самоуправления... 2000 и др.].

³ Среди наиболее активно работавших с российскими коллегами по тематике политической регионалистики зарубежных специалистов следует назвать М. Маколи, К. Мацузато, М. Бри, М. Мендрас, П. Реддуэя, Р. Орттунга, М. Макфола, Н. Мэлвина и др. В регионах совместные проекты с европейскими и американскими исследователями осуществлялись в Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Саратове, Калининграде и других местах.

тическая регионалистика также была введена в качестве обязательного предмета в учебные курсы подготовки дипломированных политологов.

Все перечисленные обстоятельства привели к тому, что к концу 1990-х годов политическая регионалистика в основном выделилась в качестве отдельной области отечественной политической науки, во-первых, на уровне сложившегося ядра специалистов, во-вторых, на уровне устойчивого интереса к предметной области, в-третьих, в плане выделения своего тематического формата в структуре научных конференций, в-пятых, в аспекте создания собственного публикуемого научного контента и архива публикаций, в-шестых, на уровне университетских курсов по политической регионалистике. Ненаучные формы познавательной активности, характерные для регионалистики на предшествующем этапе (журналистика, политтехнологии, партийно-организационные измерения), постепенно ушли на периферию, хотя оставались (и остаются теперь) в зоне взаимодействия и информационного обмена. Сформировались более четкие границы между собственно научной и ненаучной деятельностью в этой сфере, дифференцировались направления и уровни анализа, началось становление теоретических парадигм и т.д. Разумеется, это не значит, что все проблемы становления были решены. Многие из них продолжали сохраняться. И тем не менее состояние российской политической регионалистики в конце 1990-х годов являло собой разительный контраст с ее положением в начале 1990-х.

3. *Этап первичной институциональной централизации власти, 2000–2004 гг.*, состоял в том, что новый Президент предпринял ряд шагов, которые обеспечивали основы институционального и политического доминирования федерального центра над регионами (унификация законодательства, создание федеральных округов и нового института полпредов Президента), а также ввел принцип «президентского доверия» в качестве основы корпоративной культуры для политической элиты и более жесткие правила ее подбора.

Этап застал российскую политическую регионалистику в достаточно активном и динамичном состоянии, в настрое на преодоление текущих трудностей и формирование новых направлений развития. В это время вышел в свет ряд монографий (Фарукшин М.Х. и др.) и учебных пособий (Баранов А.В. и

Вартумян А.А., Пронкин С.В. и Петрунина О.Е., Медведев Н.П., Игнатов В.Г. и Бутов В.И. и др.) по политической регионалистике и федерализму (Миرونюк М.Г., Марченко М.Н. и др.), а также большое количество разнообразных по тематике научных статей [Баранов, 2004; Баранов, 2001].

На дальнейшую эволюцию дисциплины опять заметное влияние оказал политический контекст. Лейтмотивом федеральной политики в этот период становится рецентрализация и ограничение разного рода регионалистских тенденций. Федеральным центром предпринимается целый комплекс мероприятий в этом направлении, получивший название «федеральной реформы», активными агентами которой стали новые представительства Президента РФ, а ее контуры были замкнуты в границах нового вида политического региона – федеральных округов [Гельман, Рыженков, Бри, 2000; Россия регионов... 2003].

Ярким примером переключения официальной активности с уровня субъекта федерации на уровень федерального округа может служить Приволжский федеральный округ (ПФО). В 2001 г. здесь был создан Центр стратегических исследований ПФО во главе с П. Щедровицким, который стал базовой «фабрикой мысли», работавшей в интересах Полпреда Президента в ПФО. Так сформировалась сильная платформа *корпоративной* политической регионалистики, которая работала по большей части в закрытом режиме под грифом «ДСП» (для служебного пользования), хотя Центр эпизодически привлекал внешних аналитиков и разрабатывал публичные аналитические доклады. Аналогичный центр работал в Северо-Западном федеральном округе (ЦСИ Северо-Запад).

Тенденции рецентрализации оперативно находят отражение в исследовательских проектах и научных публикациях академических исследователей [Эволюция российского федерализма... 2002; Феномен Путина... 2004]. При разнообразии оценок общий тон публикаций не оставлял сомнения в том, что политика, проводимая федеральной властью с 2000 г., рассматривается как существенное изменение характера отношений центра и регионов, а эпоха «федерализации» 1990-х годов сменилась тенденцией централизации и «унитаризации». Сохраняли свое значение и такие направления, как исследование электоральных процессов в регионах, региональных элит, моделей функционирования региональной власти, партийной политики в регионах. В этом контексте следует

отметить работы О.В. Гаман-Голутвиной, Н.Ю. Лапиной, А.Е. Чириковой, Р.Ф. Туровского и др. Самым масштабным исследованием по данной теме стал реализованный под руководством О.В. Гаман-Голутвиной проект «Самые влиятельные люди России», в ходе которого в орбиту изучения были вовлечены более трех четвертей регионов РФ [Самые влиятельные люди... 2004; Гаман-Голутвина, 2004; Региональные процессы... 2002].

Постепенно проблемы централизации во внутривластных региональных исследованиях стали выходить на первое место. Особенно это стало заметно после федерального избирательного цикла 2003–2004 гг., который означал легитимацию централизаторской политики В.В. Путина. В этот период к властной «вертикали» добавилась «партийная вертикаль» (сначала в виде выстраивания «партии власти», а затем в виде централизации всей партийной системы в рамках начавшейся партийной реформы). В этих условиях политическое пространство в регионах несколько сузилось, политическая жизнь в определенной мере унифицировалась, приобретая периферийное значение в общенациональной политике.

Внутривластная регионалистика столкнулась с некоторым сокращением своего предметного поля, по крайней мере в том виде, в каком оно сформировалось в предшествующий период. Некоторые проекты и центры исследований региональной политики прекратили свое существование. С 2004 г. в регионах снизилась интенсивность взаимодействия науки с практической политикой, что усилило взаимную изоляцию региональных политических «теоретиков» и «практической» политики. Снизилась активность научного сообщества, сократилась издательская деятельность. Появились критические оценки сложившейся ситуации, вплоть до фактической «смерти» политической регионалистики. Но эта оценка не соответствовала реальной ситуации, в которой спрос на региональную политическую аналитику сохранялся, но в других формах. Об этом говорит тот факт, что в 2001 и в 2004 гг. все же состоялись ставшие уже традиционными Конгрессы по политической регионологии в Нижнем Новгороде, на которых активно обсуждались проблемы дальнейшего развития отрасли.

Несмотря на политику централизации, в этот период в России сохранялся спрос на адекватное знание регионов. Мониторинговый анализ региональной информации велся и на уровне цен-

тральных федеральных ведомств и новых федеральных структур¹. По приказам федеральных властей анализ региональной информации осуществляли и некоторые специализированные аналитические центры². Существовали независимые аналитические проекты (сеть регионального правозащитного мониторинга, проекты региональных экспертиз в Фонде развития информационной политики и др.), специализирующиеся на проблемах реформ, правозащитной деятельности, протестной активности, состояния сферы СМИ, правоприменительной практики, коррупции на региональном уровне и др. Объем региональной политической информации заметно шире был представлен в Интернете³. Кроме того, крупные финансово-промышленные группы в той или иной форме обладали аналитическими службами, изучающими политические процессы в регионах, где присутствовали интересы их бизнеса (например, Институт корпоративного развития, созданный компанией «Ренова» и т.п.). Статьи в русле глобальной политической регионалистики касались целого ряда актуальных процессов ближнего [Баранов, 2012 и др.] и дальнего зарубежья [Малинова, 2004; Белокреницкий, 2005 и др.].

4. *Этап всесторонней институциональной централизации власти и децентрализации неформальных политических практик, 2005–2015 гг.* Специфика этапа заключается в том, что, с одной стороны, централизуются институциональные ресурсы власти, поддерживаются элементы унитарного политического устройства (укрупнение партий и централизация государственного влияния на их деятельность, централизация деятельности институтов законодательной, судебной, исполнительной власти в рамках административной реформы, централизация государственного влияния на СМИ, НКО, на общественные палаты, на уполномоченных по правам человека и пр.), с другой стороны – происходит распространение неформальных политических практик, осуществляемых в ин-

---

¹ Известно о ведении регионального мониторинга в МРЭТ, Минрегион-развития и ряде других правительственных ведомств. Эта работа также проводится, например, в ЦСИ Поволжского федерального округа и ЦСИ Северо-Запад.

² Например, Институт региональной политики (Москва), сектора региональных программ Фонда эффективной политики, Центра политических технологий и другие.

³ Региональная политическая информация, например, активно представлена на сайтах: www.regions.ru; www.strana.ru; www.carnegie.ru; www.hro.org и др.

тересах бизнес-лоббистов, существенная доля которых имеет региональную «прописку» [Головин, Дан-Чин-Ю, 2015].

Политическая атмосфера требует от исследователей вновь и вновь обращаться к вопросам регионального строения политического пространства России, уточнять изменения в характере российской территориальной политики, в моделях политического управления [Лебедева, Бусыгина, 2012; Гончаров, 2012; Дахин, 2009 и др.].

Отдельным объектом внимания политической регионалистики становится административная реформа в ее региональных проявлениях [Лебедева, Бусыгина, 2012; Гончаров, 2012; Дахин, 2009]. Одновременно активизировались исследования партийного строительства в регионах, которое происходило сначала в русле политики укрупнения партий (2008–2010) [Гельман, 2008], а затем – политики повышения партийного разнообразия (2012–2013) [Коргунюк, 2015 и др.]. Партстроительство сталкивается с такими же проблемами неопределенности, что и строительство «вертикали власти» и «партии власти» в самом начале 2000-х годов (региональные проблемы «Единой России» периодически дают о себе знать), поэтому требуется региональный анализ этих процессов.

Еще одной точкой притяжения регионального анализа остается порядок легитимации должности губернатора. В 2005–2012 гг. анализируется механизм «назначения» губернаторов, полученные данные позволяют заключить, что в рамках формальной бюрократической процедуры кипят нешуточные страсти конкурирующих групп политических лоббистов. Ярким примером в 2005 г. была Нижегородская область, где действовавший губернатор Г. Ходырев не смог «переизбраться» из-за сопротивления устойчивой группы региональной элиты, поддержанной полпредом Президента в ПФО [Дахин, 2007 и др.]. В 2013–2015 гг. анализируются процессы возврата института выборов главы субъекта федерации, в которых наиболее привлекательной и типичной «странностью» становится то, что почти все действующие губернаторы незадолго до истечения официального срока их полномочий обращаются к Президенту с прошением об отставке и получают его согласие вместе с его же «кредитом доверия» на участие в новых досрочных выборах. Такой алгоритм возвращенных выборов действовал и в 2013, и в 2014, и в 2015 гг., что порождает научную дискуссию о его политическом смысле [Дахин, Крузе, Семёнов, Стрелков, 2015].

Ситуативный прилив интереса был связан с практиками укрупнения регионов [Панов, 2008] и затем уступил место исследованиям реакций административно-политических регионов России на ситуацию финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. и экономического спада 2013–2015 гг. [Россия, 2010].

Очередной цикл аналитической активности был связан и с региональными итогами парламентских (2011) и президентских (2012) выборов, которые породили резонансные общественно-политические движения и дискуссии, а также некоторые институциональные политические преобразования (упрощение процедуры государственной регистрации партий, возвращение выборов губернаторов и др.) [Грачёв, 2012 и др.].

После президентских выборов наиболее ярким и дискуссионным событием стало включение Крыма в состав РФ. Событие внесло свежую острую струю в академические дискуссии о границах суверенитета суб-национальных регионов. В этой сфере исследователи обсуждают общую архитектуру и динамику современного глобального мультирегионального пространства [Симония, Торкунов, 2015; Бусыгина, Окунев, 2014; Воскресенский, 2013], а отечественная внутривнутриполитическая регионалистика получила новый объект исследования (Крым) [Баранов, 2013 и др.].

Неизменным предметом исследования регионального политического процесса были и остаются выборы депутатов региональных legislatures, претерпевавшие некоторые изменения, но в целом сохранившиеся в качестве устойчивого элемента региональной политики [Туровский, 2006].

Другими устойчивыми элементами внутривнутриполитического регионального анализа в этот период являются проблемы российского федерализма [Чернышов, 2009; Федякин, Кочетков, 2009], исследование гражданских и аналитических ресурсов региональной политики [Сунгуров, 2014 и др.], различные аспекты отношений федерального центра и регионов [Гельман, 2006; Лапина, 2006 и др.], специфика политической жизни отдельных субъектов федерации и их групп [Матвиенко, 2009; Туровский, 2009; Галлямов, Сакаев, 2010 и др.], вопросы регионального партийного строительства [Попова, 2006 и др.], региональной этнополитики [Сухарь, 2007; Шабаев, Садохин, 2013 и др.], региональных выборов, электоральной активности [Авдонин, 2011; Макаркин, 2006 и др.], сквозные

проявления политической активности в различных регионах [Соколов, 2015; др.].

Новые предметы исследования появились в сфере международной политической регионалистики. Это связано как с активизацией внешнеполитической деятельности России, так и с возникновением новых внешнеполитических вызовов – события в Украине в 2013–2015 гг. [Лапкин, Пантин, 2014 и др.], а также другие актуальные процессы преобразований региональных пространств в ближнем и дальнем зарубежье [Баранов, 2014; Хенкин, Кудряшова, 2015].

Завершая обзор становления отечественной политической регионалистики, можно заключить, что ее институционализация связана, прежде всего, со сложившимся ядром специалистов, с устойчивым набором тематических направлений исследований, со сформировавшимися практиками преподавания политической регионалистики на университетских кафедрах, со значительным архивом текстов по дисциплине, с постоянным присутствием политической регионалистики в рамках научных политологических конференций. Кроме того, в структуре РАПН существует Исследовательский комитет «Политическая регионалистика», который поддерживает профессиональные коммуникации специалистов субдисциплины. На базе исследовательского комитета было реализовано несколько исследовательских проектов, поддержанных грантами РГНФ и РАПН, в том числе «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ», 2010–2014 гг. (РГНФ, рук. Р.Ф. Туровский), «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.», 2011–2012 гг. (РГНФ, рук. А.Л. Салагаев), «Источники регионального разнообразия и формирование новых субъектов развития России», 2010 г. (РАПН, рук. А.В. Дахин) и др.

Основные достижения российской политической регионалистики и перспектива развития

Современная российская политическая регионалистика представляет собой достаточно разветвленную и динамичную часть политической науки. В ней представлена совокупность различных уровней и направлений анализа, обладающих известной самостоятельностью и в то же время связанных некоторыми общими предметными рамками, познавательными интересами и ин-

теграционными тенденциями¹. Среди основных успешных направлений – изучение электоральных процессов в регионах, субъектов регионального политического процесса – региональных политических элит, групп интересов, политических партий (с применением базовых концепций политической науки – элитологии, партологии, теории региональных политических процессов, политической социологии, теорий социально-экономического управления, методов статистического анализа), исследования региональной политики, в том числе зарубежной (в основном это направление базируется на концепциях экономической географии). С одной стороны, делаются попытки проанализировать структуру, цели, направления российской региональной политики, выявить ее проблемы и т.д. С другой стороны, в рамках этого направления стала активно исследоваться зарубежная региональная политика. Особенно показательны в этом плане работы по изучению региональной политики Европейского союза, сравнительные исследования региональной политики России и ЕС, а в последние несколько лет – исследования по Украине, странам Таможенного союза и ЕАЭС. В рамках получившего распространение в последние годы такого направления исследований, как внутренняя геополитика, исследуются строение российской территории, динамика пространственных процессов, а также проблематика территориальных конфликтов России с зарубежными странами и оптимального территориального устройства. Оно также опирается на концепции географической науки, мировой экономики и международных отношений, хотя ряд авторов подвергают сомнению его научный характер.

Что касается исследований политико-территориальной организации общества и федеративных отношений, то основная масса работ, особенно по проблемам федерализма, носят, по существу, государственно-правовой характер, в них анализируются юридические проблемы распределения полномочий и построения федераций различных типов, с 2000-х годов – проблемы централизации федеральной политики. С другой стороны, территориальная организация анализируется в основном в рамках политико-географического направления. Эти исследования сыграли определенную роль в становлении отечественной политической регионалистики, однако их значение в дальнейшем развитии отрасли снижается.

---

¹ См. также: [Авдонин, Баранов, Дахин, 2008].

Исследования региональных политических систем, политических режимов и моделей политического управления рассматривают принципы и динамику отношений ветвей и уровней власти в регионах, взаимодействия власти и общества, модели отношений региональных элит. В частности, были выдвинуты концепции «региональных авторитаризмов» (Сенатова), регионального «боссизма» (Мацузато), «неопределенности трансформаций» (Гельман) и др. Большинство авторов исходили из тезиса о складывании в российских регионах относительно автономных от федерального центра «систем политического управления», «политических режимов», «политий».

Новые тенденции централизации и унификации поставили исследователей перед проблемой переосмысления теоретических подходов к новой реальности. Это направление, пожалуй, является «коньком» отечественной внутриполитической регионалистики. Поэтому научные поиски в этой сфере имеют особую важность: с ними связаны перспективы развития всей субдисциплины. В частности, отметим подход, согласно которому политическая конкуренция рассматривается как базисная составляющая регионального политического процесса, характер которого определяется политическим статусом акторов, степенью их институционализации в региональной политике, институциональной устойчивостью соревновательных процедур и процедур разрешения конфликтов интересов, ролью в этих процессах политических партий, региональных выборов, «праймериз» и проч. [Дахин, 2009 и др.]. В рамках этого направления, в отличие от подхода авторов работы 2000 г. «Россия регионов: трансформация политических режимов» В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри [Гельман, Рыженков, Бри, 2000], ключевыми реалиями, определяющими характер местного политического режима и модель регионального политического управления, являются конфликты интересов акторов региональной политики за доступ к тем или иным ресурсам влияния. Собственно, в соревновательности, в распределении доступа к ресурсам влияния региональных политических акторов «высекаются» искры реальной, эмоционально заряженной региональной политики, мотивированной, азартной, напористой, циничной, – одним словом, живой.

Фактор конкуренции выделяет и Р.Ф. Туровский: в рамках дескриптивного подхода, применяемого в сравнительных исследованиях, он определяет четыре оси сравнения региональных поли-

тий, одна из которых – ось «консолидация – конкуренция» [Туровский, 2009]. Для сравнительного описания политических регионов система Туровского может быть вполне операбельна, но для понимания внутренней природы политического регионализма, для постижения онтологии, «генетики» региональных политических организмов она недостаточно аналитична (это нечто вроде ламаркизма в биологической науке, которая нуждалась в Дарвине и Вавилове).

В соревновательном конкурентном существовании политических акторов и создаваемого ими политического порядка видится ключ к постижению бытийных оснований политического регионализма и форм его проявления. Перспективная задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, понимать регионализм и форму региональной политики в качестве «функции», флуктуации самой природы политического пространства, а с другой стороны, – чтобы распознавать в строении этой онтологической флуктуации влияние отдельных, конкретных акторов, ограничений и «окон» возможностей со стороны административно-правовых, индивидуально-психологических, экономических, этнокультурных и других обстоятельств.

Список литературы

- Авдонин В.С.* Административная реформа в регионе – конфликты и компромиссы (пример Рязанской области) // Влияние культур на взаимоотношения людей: Конфликт или шанс? / А. Дахин, Х. Хелфрич (ред.). – Н. Новгород: ННГАСУ, 2008. – С. 49–57.
- Авдонин В.С.* Региональные выборы 2009–2010: тенденции и проблемы электоральных изменений // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 78–94.
- Авдонин В.С., Баранов А.В., Дахин А.В.* Политическая регионалистика в современной России: ретроспектива и перспектива становления // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы (1990–2007) / Отв. ред. О.Ю. Малинова. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – С. 105–126.
- Баранов А.В.* Политизация ислама в современном Крыму: конфликтологический аспект // Власть. – М., 2013. – № 4. – С. 196–200.
- Баранов А.В.* Проблема базирования Черноморского флота в российско-украинских отношениях после «оранжевой революции» // Вестник Института стратегич. ис-

- следований Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. – Ставрополь, 2012. – Вып. 2. – С. 21–24.
- Баранов А.В.* Сепаратизм в современной Каталонии: Ресурсы, акторы и политические стратегии // Актуальные проблемы Европы. – М., 2014. – № 2. – С. 95–113.
- Баранов А.В.* Федерализм в исламском мире // Человек. Сообщество. Управление. – Краснодар, 2004. – № 3–4. – С. 112–123.
- Баранов С.А.* Проблемы сепаратизма и терроризма в штате Ассам // Восток. – М., 2001. – № 3. – С. 81–93.
- Белозёров В.С., Тикунов В.С., Панин А.Н.* Атласная информационная система для изучения этнодемографических процессов в Ставропольском крае // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. – М., 2008. – № 1. – С. 39–44.
- Белокреницкий В.Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане // Восток. – М., 2005. – № 6. – С. 74–92.
- Бильчак В.С., Самсон И., Федоров Г.М.* Калининградский полюс интеграции. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 316 с.
- Бусыгина И.М., Окунев И.Ю.* Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 106–123.
- Власть и общество в постсоветской России: новые практики и институты / Под ред. М. Афанасьева. – М.: МОНФ, 1999. – 342 с.
- Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 6. – С. 82–96.
- Галлямов Р.Р., Сакаев И.Н.* Тенденции взаимодействия государственной власти и региональных бизнес-элит // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. – СПб., 2010. – № 3. – С. 80–87.
- Гаман-Голутвина О.В.* Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Полис: Политические исследования – М., 2004. – № 2. – С. 6–19; № 3. – С. 22–32.
- Гельман В., Рыженков С.* Политическая регионалистика: от общественного интереса к отрасли знания? // Социальные исследования в России: Немецко-российский мониторинг / Пер. с нем. – Берлин; М., 1998. – С. 138–185.
- Гельман В.Я.* Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 2. – С. 90–109.
- Гельман В.Я.* Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Полис: Политические исследования. – М., 2008. – № 5. – С. 135–152.
- Гельман В., Рыженков С., Бри М.* Россия регионов: трансформация политических режимов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2000. – 375 с.
- Головин Ю.В., Дан-Чин-Ю Е.Ю.* Конфликтное взаимодействие региональных и муниципальных органов власти (российский опыт) // Конфликтология. – М., 2015. – № 1. – С. 105–125.
- Гончаров Д.В.* Структура территориальной политики в России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 63–74.

- Грачёв Г.А. Оценка политической стабильности на прошедших выборах парламента и Президента России // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 30–35.
- Дагбаев Э.Д. Регионы и новая восточная политика России // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 1. – С. 151–157.
- Дахин А. Российская провинциальная культура в глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств» // Международные отношения в XXI веке: региональное в глобальном, глобальное в региональном. – Н. Новгород: НГЛУ, 2000. – С. 214–225.
- Дахин А.В. Архитектура власти региональных политических пространств в России: Транзит и конфликтогенные риски // Конфликтология. – М., 2010. – № 3. – С. 137–154.
- Дахин А.В. Конфликтогенная инфраструктура региональной политической конкуренции в России (на примере Нижегородской области) // Конфликтология. – М., 2013. – № 3. – С. 84–104.
- Дахин А.В. Региональная политическая конкуренция в ситуации изменения института легитимации глав исполнительной власти субъектов РФ (на примере Нижегородской области) // Россия и современный мир. – М., 2007. – № 2. – С. 88–108.
- Дахин А.В. Региональная стратификация и территориальная целостность: поиск формулы нового мирового порядка // Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад / Ред. А.С. Макарычев. – Н. Новгород: ННГУ, 1997. – С. 209–225.
- Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. – М., 2003. – № 3. – С. 87–122.
- Дахин А.В. Система власти в России в 2000-х гг. и модели политического управления регионами // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 52–60.
- Дахин А.В. Система государственной власти в России: феноменологический транзит // Полис: Политические исследования. – М., 2006. – № 3. – С. 29–41.
- Дахин А.В. Споры вокруг «Бронзового солдата» // Космополис. – М., 2008. – № 1(20). – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_01_2008/09.pdf (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Дахин А.В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. / РАН. ИНИОН; ред. Л.Н. Верчёнов, А.В. Дахин. – М., 2009. – С. 8–26.
- Дегтярёв А.А. Предмет и структура политической науки // Политическая наука в России. – М.: МОНФ: ООО «Издательский центр учебных и научных программ, 2000. – С. 95–116.
- Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А.М. Мигранян, А. Пшеворский. – М.: МГИМО-Университет 2013. – 519 с.
- Замятин Д.Н. Пространство и (без) опасность: онтологические модели воображения // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 3. – С. 137–148.
- Иноземцев В.Л. Евразийский экономический союз: Потерянные в пространстве // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 6. – С. 71–82.

- Каганский В.Л. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН. Серия География. – М., 1993. – № 4. – С. 85–94.
- Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. Актуальные теоретические очерки / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2011. – 174 с.
- Колосов В.А. Политическая география: Проблемы и методы. – Л.: Наука, 1988. – 190 с.
- Колосов В.А., Себенцов А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 146–163.
- Коргунок Ю.Г. Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 4. – С. 97–113.
- Лапина Н.Ю. «Центр – регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. – М., 2006. – Т. 2, № 2. – С. 85–98.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: Политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 5. – С. 68–89.
- Лебедева Е.Б., Бусыгина И.М. Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 3. – С. 35–62.
- Лившиц А., Новиков А., Смирнягин Л. Региональная стратегия России // Регион: экономика и социология. – М., 1994. – № 3. – С. 3–23.
- Макаркин А.В. Смешанная система выборов в регионах России // Pro et Contra. – М., 2006. – № 1 (31). – С. 104–113.
- Малинова О.Ю. Имперский опыт: Прошлое или будущее Европейского Союза? // Политическая наука: Современные империи / РАН. ИНИОН. – М., 2004. – С. 31–45.
- Матвиенко И.Г. Парадоксы дальневосточной стратегии // Политическая наука. – М., 2009. – № 2. – С. 121–131
- Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет 2007. – 272 с.
- Миронок М.Г. Человеческое измерение федерализма // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 3. – С. 98–108.
- Нижегородская область и Нижний Новгород в на путях выбора антикризисной стратегии 2015 г.: основные тенденции, прогнозные гипотезы, оценки. Аналитический доклад / А.В. Дахин, Ю.Л. Крузе, Е.Е. Семёнов, Д.Г. Стрелков. – Н. Новгород, 2015. – С. 13–15. – Режим доступа: <http://nn-now.ru/mainnews/chegozhdat-ot-2015-go-doklad-res-polnaya-versiya-video/> (Дата посещения: 05.02.2016.)
- Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России. // Полис: Политические исследования. – М., 2001. – № 1. – С. 73–94.
- Панов П.В. «Объединение» vs «присоединение»: Сравнительный анализ первого опыта укрупнения регионов Российской Федерации // Россия и современный мир. – М., 2008. – № 1. – С. 125–144.
- Перспективы самоуправления и самоорганизации в России / Под ред. И.А. Бутенко. – М.: МОНФ, 2000. – 256 с.

- Попова О.В.* Группы поддержки «партии власти» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. – М., 2006. – № 2. – С. 225–233.
- Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 6. – С. 68–80.
- Пушкарёва Г.В.* Политическое пространство: Проблемы теоретической концептуализации // Полис: Политические исследования. М., 2012. – № 2. – С. 166–176.
- Региональные политические процессы: Насколько «субъектны» субъекты РФ? Материалы «круглого стола» // Полис: Политические исследования. – М., 2003. – № 5. – С. 59–76.
- Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2002. – 192 с.
- Россия: Региональная власть в условиях экономического кризиса / РАН. ИНИОН; Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2010. – 185 с.
- Савва М.В.* Мифоидеологемы – замена сепаратизма // Вестник Евразии. – М., 2001. – № 3 (14). – С. 86–107.
- Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / Отв. ред. Гаман-Голутвина О.В. – М.: ИСАНТ, 2004. – 218 с.
- Себенцов В.М., Колосов С.Н.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 2. – С. 31–46.
- Силантьева М.В.* Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десоверенизация или «постсуверенизация»? // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 3. – С. 8–26.
- Симония Н.А., Торкунов А.В.* Новый мировой порядок: От биполярности к многополюсности // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 3. – С. 27–37.
- Симонян Р.Х., Кочегарова А.М.* Приграничное взаимодействие России и Евросоюза: тенденции и моделирование // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 5. – С. 41–49.
- Соколов А.В.* Протестная активность в регионах России в 2013 г. // Конфликтология. – СПб., 2015. – № 2. – С. 43–59.
- Субъекты федерации: какими им быть? / О.Б. Глезер, В.А. Колосов, Н.В. Петров, Л.В. Смирнягин, А.И. Трейвиш // Полис: Политические исследования. – М., 1991. – № 4. – С. 149–159.
- Сунгуров А.Ю.* Экспертное сообщество, фабрики мысли и власть: опыт трех регионов // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 72–87.
- Сунгуров А.Ю., Распопов Н.П., Беляев А.Ю.* Институты-медиаторы и их развитие в современной России. II. Фабрики мысли и центры публичной политики // Полис: Политические исследования. – М., 2012. – № 4. – С. 99–116.
- Сухарь А.А.* Этнонациональный конфликт в Чечне и Косово: сравнительный анализ // Полис: Политические исследования. – М., 2007. – № 4. – С. 158–173.
- Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.В. Стрежнева – М.: Весь мир, 2011. – 376 с.
- Трейвиш А., Артоболевский С.* Введение: что такое регионализация и надо ли с ней бороться // Регионализация в развитии России. – М.: УРСС, 2007. – С. 3–9.

- Туровский Р. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности. // Полития. – М., 1999. – № 4 (14). – С. 102–121.
- Туровский Р.Ф. Региональные выборы в России: случай атипичной демократии // Технологии политики / Под ред. Б.И. Макаренко. – М., Центр политических технологий, 2006. – С. 143–190.
- Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 2. – С. 77–95.
- Туровский Р.Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С. 99–117.
- Туровский Р.Ф. Федеральные округа: политико-географический подход в теории и на практике // Федерализм. – М., 2003. – № 1. – С. 217–250.
- Фарушкин А.М. Об определении конституционно-правового статуса республик в составе Российской Федерации // Проблемы политической науки. – Казань: Центр инновационных технологий, 2005. – С. 89–97.
- Федеральная реформа 2000–2003. Том 1. Федеральные округа / Под ред. Н.В. Петрова. – М.: Московский общественный научный фонд, 2003. – 412 с.
- Федякин А.В., Кочетков Е.Е. В поисках оптимальной формы территориально-политического устройства современной России (Обзор научных и общественно-политических дискуссий) // Политическая наука. – М., 2009. – № 1. – С. 108–136.
- Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная? / Под ред. К. Маццато. – М.: Материк, 2004. – 350 с.
- Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис: Политические исследования. – М., 2011. – № 2. – С. 86–98.
- Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Политическая география современного Египта // Полис: Политические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 117–136.
- Чернышов А.Г. Конструирование современной российской власти и управление территориями: Федеральные и региональные аспекты // Политическая наука. – М., 2009. – № 2. – С. 27–34.
- Шабаетов Ю.П., Садохин А.П. Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финно-угорский мир России в материалах переписи 2010 г. // Полис: Политические исследования. – М., 2013. – № 3. – С. 113–125.
- Эволюция российского федерализма / А.А. Галкин, П.А. Федосеев, С.Д. Валентей, В.Д. Соловей // Полис: Политические исследования. – № 3. – С. 96–128.
- Aligica P.D., Tarko V. Polycentricity: From Polanyi to Ostrom, and beyond // Governance. – L., 2012. – N 25(2). – P. 237–262.
- Amanor K., Brown D. Making environmental management more responsive to local needs: Decentralisation and evidence-based policy in Ghana // ODI Forestry Briefing. – L., 2003. – N 3 (3). – P. 132–145.
- Baeg Im H. Faltering democratic consolidation in South Korea: Democracy at the end of «Tree Kims» era // Democratization. – L., 2004. – Vol. 11(5). – P. 179–198.
- Beichelt T. Autocracy and democracy in Belarus, Russia and Ukraine // Democratization. – L., 2004. – Vol. 11(5). – P. 113–132.
- Bunce V., Sharon L.W. Mixed regimes in post-communist Eurasia: Tipping democratic and tipping authoritarian // SSDD Working paper series. – L., 2008. – P. 1–28.

- Chang T.-K., Jian W., Chih-Hsien C.* The social construction of international imagery in the post-Cold War era: A comparative analysis of U.S. and Chinese national TV news // *Journal of broadcasting & electronic media.* – L., 1998. – Vol. 42 (3). – P. 277–296.
- Ciprian-Cain A.* Parliamentary representation of minorities in Romania // *Southeast European politics.* – Budapest, 2004. – N 5(1). – P. 60–75
- Contemporary Russian politics* / Ed. by A. Broun. – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 574 p.
- Cooke Ph., Christiansen Th., Schienstock G.* Regional economic policy and a Europe of the regions // *Developments in West European politics* / M. Rhodes, P. Heywood, V. Wright. – L., 1997. – P. 192–193.
- Crozier M.P.* Redescribing authoritative action: Systems of democracy and good governance. – 2013. – Mode of access: <http://www.icpublicpolicy.org/Multi-level-governance-in-a#> (Дата посещения: 05.08.2015.)
- Dakhin A.* The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // *Impact of culture on human interaction: Clash or challenge?* / H. Helfrich, A. Dakhin, E. Hölter, I. Arzhenovskiy (eds.). – Göttingen: Hogrefe & Huber, 2002. – P. 5–16.
- Duka A.* Reforms and orientations of regional elites: The case of St. Petersburg // *Elites and democratic development in Russia* / Ed. by A. Steen, V. Gel'man. – L.; N.Y.: Routledge, 2003. – P. 148–167.
- Duka A., Rutland P.* North-West Federal Okrug // *The dynamics of Russian politics: Putin's reform of federal-regional relations* / Ed. by P. Reddaway, R.W. Orttung. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield publishers, 2004. – Vol. 1. – P. 53–86.
- Ethier W.J.* The new regionalism // *The Economic journal.* – L., 1998. – N 108 (449). – P. 1149–1161.
- Gel'man V.* Political science in Russia: scholarship without research? // *European political science.* – L., 2015. – N 14 (1). – P. 28–36.
- Golosov G.* The structure of party alternatives and voter choice in Russia: evidence from the 2003–2004 regional legislative elections // *Party politics.* – L., 2006. – Vol. 12, N 6. – P. 707–725.
- Golosov G., Shevchenko I.* Incumbent re-election strategies in duma elections // *The 1999–2000 national elections in Russia: Analyses, documents and data* / V. Gelman et al. (eds.). – Berlin: Edition Sigma, 2005. – P. 166–187.
- Inglehart R.* Modernization and postmodernization: Cultural, economic and political change in 43 societies. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1997. – 464 p.
- Javeline D., Baird V.A.* The surprisingly nonviolent aftermath of the Beslan school hostage taking // *Problems of post-communism.* – N.Y., 2001. – Vol. 58 (4–5). – P. 3–22.
- Joenniemi P., Sergunin A.A.* Paradiplomacy as a capacity-building strategy // *Problems of post-communism.* – N.Y., 2014. – Vol. 61, N 6. – P. 18–33.
- Johnson C.* John Howard's 'values' Australian identity // *Australian journal of political Science.* – Canberra, 2007. – N 42. – P. 195–209.
- Kay A.* Multi-level governance in Australian federalism: The open method of coordination in open economy policy-making. – 2013. – Mode of access: <http://www.icpublicpolicy.org/Multi-level-governance-in-a#> (Дата посещения: 05.08.2015.)

- Lindberg S.* The surprising significance of African elections // *Journal of democracy*. – Baltimore, 2006. – Vol. 17 (1). – P. 139–151.
- Mainwating S., Brinks D., Perez-Liman A.* Classifying political regimes in Latin America, 1945–1999 // *Studies of comparative International development*. – N.Y., 2001. – Vol. 36 (1). – P. 37–65.
- Makarychev A.S.* Contribution of the regions to Russian security policy // *Conflict, Security, Development*. – L.: London Centre for defence studies, King's College, 2002. – N 2 (2). – P. 47–67.
- Makarychev A.S.* The Region and the World: the Case of Nizhny Novgorod. Russian Study Group, project on «Regionalization of Russian Foreign and Security Policy». – Zurich, 2001. – Mode of access: <http://e-collection.library.ethz.ch/eserv/eth:24051/eth-24051-01.pdf> (Дата посещения: 13.03.2016.)
- Morlino L., Dressel B., Pelizzo R.* The quality of democracy in Asia-Pacific: issues and findings // *International Political Science Review*. – L., 2011. – Vol. 32(5). – P. 491–511.
- Murphy E.C.* Theorizing ICTs in the Arab world: Informational capitalism and the public sphere // *International studies quarterly*. – L., 2009. – Vol. 53 (4). – P. 1131–1153.
- Page E.C.* Lokalism and centralism in Europe. The political and legal bases of local self-government. – Oxford: Oxford univ. press, 1991. – 372 p.
- Peck J., Tickell A.* Searching for a new institutional fix: the after-Fordist crises and the global-local disorder // *Post-Fordism: a reader* / Ed. by A. Amin. – Oxford: Oxford univ. press, 1994. – P. 280–315.
- Posner D., Simon D.* Economic conditions and incumbent support in Africa's new democracies: Evidence from Zambia // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, CA, 2002. – N 35 (3). – P. 313–336.
- Roberts A.* Hyperaccountability: Economic voting in Central and Eastern Europe // *Electoral studies*. – Oxford, 2008. – Vol. 27. – P. 533–546.
- Rosefielde S.* Russia in 21 st century. The prodigal superpower. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 268 p.
- Rudolph L.I., Rudolph S.H.* Federalism as state formation in India: A theory of shared and negotiated sovereignty // *International political science Review*. – L., 2010. – Vol. 31 (5). – P. 553–572.
- Sergunin A.A., Konyshov V.* Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // *Defense and security analysis*. – L., 2014. – N 3. – P. 1–13.
- Slomczynski K.M., Shahad G. and Zielinski J.* Fluid party systems, electoral rules and accountability of legislations in emerging democracies: The case of Ukraine // *Party politics*. – L. 2008. – Vol. 14 (1). – P. 91–112.
- Stockton H.* Political parties, party system and democracy in East Asia: Lessons from Latin America // *Comparative political studies*. – L., 2001. – Vol. 34. – P. 94–119.
- Turovsky R.* Regional aspects of national elections in Russia // *The 1999–2000 National elections in Russia. Analyses, documents and data* / V. Gel'man, G. Golosov, E. Meleshkina (eds). – Berlin: Edition Sigma, 2005. – P. 143–165.
- Turovsky R.* The mechanism of representation of regional interests at the federal level in Russia: Problems and solutions // *Perspectives on European politics and society*. – Dundee, 2007. – Vol. 8 (1). – P. 73–97.

Umbach M. German federalism: Past, present and future. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. – 232 p.

Varieties of democracy. Global standards, local knowledge. – Mode of access: <https://v-dem.net/ru/> (Дата посещения: 10.02.2016.)

Yongnian Z., Wu G. Information technology, public space, and collective action in China // *Comparative political studies*. – L., 2005. – Vol. 38 (5). – P. 507–536.